

С. П. ШЕВЫРЕВ

ВЗГЛЯД РУССКОГО НА СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЕВРОПЫ

<...> Франция и Германия — вот те две стороны, под влиянием которых мы непосредственно находились и теперь находимся. В них, можно сказать, сосредоточивается для нас вся Европа. Здесь нет ни отделяющего моря, ни заслоняющих Альпов. Всякая книга, всякая мысль Франции и Германии скорее откликается у нас, нежели в какой-либо другой стране Запада. Прежде преобладало влияние французское: в новых поколениях осиливает германское. Всю образованную Россию можно справедливо разделить на две половины: французскую и немецкую, по влиянию того или другого образования.

Вот почему особенно важно вникнуть нам в современное положение этих двух стран и в то отношение, в каком мы к ним находимся. Здесь мы смело и искренно скажем наше мнение, зная заранее, что оно возбудит множество противоречий, оскорбит многие самолюбия, расшевелит предрассудки воспитания и учений, нарушит предания, доселе принятые. Но в вопросе, решаемом нами, первое условие есть искренность убеждения.

Франция и Германия были сценами двух величайших событий, к которым подводится вся история нового Запада, или правильнее: двух переломных болезней, соответствующих друг другу. Эти болезни были — реформация в Германии, революция во Франции: болезнь одна и та же, только в двух разных видах. Обе явились неизбежным следствием западного развития, принявшего в себя двойство начал и утвердившего сей раздор нормальным законом жизни. Мы думаем, что эти болезни уже прекратились; что обе страны, испытав перелом недуга, вошли опять в развитие здоровое и органическое. Нет, мы ошибаемся. Болезнями порождены вредные соки, которые теперь продолжают действовать и которые в свою очередь произвели уже повреждение органическое и в той и в другой стране, признак будущего саморазрушения. Да, в наших искренних, дружеских, тесных сношениях с Западом мы не примечаем, что имеем дело как будто с человеком, носящим в себе злой, заразительный недуг, окруженным атмосферой опасного дыхания. Мы целуемся с ним, обнимаемся, делим трапезу мысли, пьем чашу чувства... и не замечаем скрытого яда в беспечном общении нашем, не чуем в потехе пира будущего трупа, которым он уже пахнет!

Он увлек нас роскошью своей образованности; он возит нас на своих окрыленных пароходах, катает по железным дорогам; угождает без нашего труда всем прихотям нашей чувственности, расточает перед нами остроумие мысли, наслаждения искусства... Мы рады, что попали на пир готовый к такому богатому хозяину... Мы упоены; нам весело даром вкусить то, что так много стоило... Но мы не замечаем, что в этих яствах таится сок, которого не вынесет свежая природа наша... Мы не предвидим, что пресыщенный хозяин, обольстив нас всеми прелестями великолепного пира, развратит ум и сердце наше; что мы

выйдем от него опьяненные не по летам, с тяжким впечатлением от оргии, нам непонятной...

Но успокоимся верою в Провидение, которого перст явен на нашей истории. Вникнем лучше в характер обоих недугов и определим для себя урок мудрого предохранения. <...>

Литература в народе бывает всегда результатом совокупного его развития по всем отраслям человеческой его образованности. Из предыдущего теперь могут быть ясны причины упадка современной литературы во Франции, произведения которой, к сожалению, слишком известны в нашем отечестве. Народ, который злоупотреблением личной свободы уничтожил в себе чувство религии, обездушил искусство и обессмыслил науку, должен был, разумеется, злоупотребление свободой своей довести до высшей степени крайности в литературе, не обузданной ни законами государства, ни мнением общества. <...>

Перейдем же за Рейн, в страну соседнюю нам, и постараемся вникнуть в тайну ее неосязаемого развития. Во-первых, нас поражает, как яркая противоположность с землею, откуда мы лишь только вышли, это внешнее благоустройство Германии во всем, что касается до ее государственного, гражданского и общественного развития. Какой порядок! какая стройность! Удивляешься благоразумию немецкому, которое умело от себя удалить все возможные соблазны своих мятежных зарейнских соседей и строго заключиться в сфере собственной своей жизни. Немцы питают даже какую-то открытую ненависть или высокое презрение к злоупотреблению личной свободы, коим заражены все части общества Франции. Сочувствие некоторых немецких писателей французскому своеволию не нашло почти никакого отголоска в благоразумной Германии и не оставило никакого вредного следа во всем нынешнем быту ее! Эта страна в разных частях своих может представить превосходные образцы развития по всем ветвям сложной человеческой образованности. Ее государственное устройство зиждется на любви ее государей ко благу подданных и на покорности и преданности сих последних своим властителям. Ее гражданское устройство почивает на законах самой чистой и откровенной справедливости, начертанной в сердцах ее правителей и в умах подданных, призванных к исполнению гражданского дела. Ее университеты цветут и разливают сокровища учения по всем низшим заведениям, коим поручено воспитание народное. Искусство развивается в Германии так, что ставит ее теперь в достойные соперницы с наставницей ее, Италией. Промышленность и внутренняя торговля делают успехи быстрые. Все, что служит к облегчению сношений между различными ее владениями, все, чем только может гордиться современная цивилизация в отношении к удобствам жизни, как-то: почты, таможни, дороги и проч., все это превосходно в Германии и возвышает ее на степень страны, первенствующей своим внешним благоустройством на твердой земле Европы. Чего же кажется недостает ей к ее непоколебимому вечному благоденствию?

Но над этою прочною, счастливою, благоустроенною внешностью Германии носится другой неосязаемый, невидимый мир мысли, совершенно отдельный от мира ее внешнего.

Главный недуг ее — там, в этом отвлеченном мире, не имеющем никакого соприкосновения с ее политическим и гражданским устройством. В Германцах, чудным образом, умственная жизнь отделяется от жизни внешней, общественной. Потому в одном и том же Германце вы можете весьма часто встретить двух человек: внешнего и внутреннего. Первый будет самый верный, самый покорный подданный своего государя, правдолюбивый и усердный гражданин своего отечества, отличный семьянин и неизменный друг, словом, ревностный исполнитель всех своих внешних обязанностей; но возьмите того же самого человека внутри, проникните в его умственный мир: вы можете найти в нем самое полное развращение мысли, — и в этом недоступном для глаза мире, в этой неосязаемой умственной сфере, тот же самый германец, смиренный, покорный, верный в государстве, обществе и семье, — является буйным, неистовым, насилующим все, не признающим над мыслью своею никакой иной власти... Это тот же древний необузданный его предок, которого видел еще Тацит¹ во всей его самородной дикости выходящим из заветных лесов своих, с тою только разницею, что новый, образованный перенес свободу свою из мира внешнего в мир умственный. Да, разврат мысли — вот невидимый недуг Германии, порожденный в ней Реформацией и глубоко таящийся в ее внутреннем развитии. <...>

Да, раздор философского начала с религиозным есть событие, отовсюду очевидное в жизни Германии: это ее слабая сторона, ее пята Ахиллова. Прочно ее внешнее государственное и гражданское устройство; но испорчен органическим повреждением ее внутренний мир. Причина всему великий, неизбежный недуг ее — Реформация. Но первоначальный корень зла таится еще глубже; он в самом главном начале западного развития. Тот человек, который первый, дерзнул наименовать себя живым Наместником Христа и видимою главою церкви, тот породил и Лютера, отрицавшего папу и крайность его Антихриста, который уже зародился в современной Германии и как червь точит ее нравственное и духовное бытие.

* * *

Направление, какое принимают теперь те обе страны, которые производили и производят на нас сильнейшее влияние, так противоречит жизненному началу нашему, так несогласно со всем нашим протекшим, что мы внутренне все более или менее признаем необходимость разорвать дальнейшие связи наши с Западом в литературном отношении. Я, разумеется, не говорю здесь о тех славных образцах его великого прошедшего, которые должны мы всегда изучать: они как собственность всего человечества принадлежат и нам, нам же по праву самых близких и прямых наследников в очереди народов, выходящих на сцену живущего и действующего мира. Я не говорю и о тех современных писателях, которые на Западе, видя сами направление человечества, их окружающего, вооружаются против него и ему противодействуют: такие писатели много сочувствуют нам и даже нетерпеливо ожидают нашей деятельности. Они, впрочем, составляют малое исключение. Я не разумею, конечно, и тех ученых, которые трудятся по известным отдельным частям наук и славно возделывают их поле. Нет, я говорю вообще о

духе образования западного, о его главных мыслях и движении новой его литературы. Здесь встречаем мы такие явления, которые для нас кажутся непонятными, которые по-нашему ни из чего не вытекают, которых мы боимся, а иногда проходим мимо их равнодушно, бессмысленно или с чувством какого-то детского любопытства, раздражающего наши взоры.

Россия, к счастью, не испытала тех двух великих недугов, которых вредные крайности начинают сильно там действовать: отсюда и причина, почему непонятны для нее тамошние явления и почему их ни с чем своим она связать не может. Мирно и благоразумно созерцала она развитие Запада: принимая его как предохранительный урок для своей жизни, счастливо избегла раздора или двойства начал, которому Запад подвергся в своем внутреннем развитии, и сохранила свое заветное и вседержащее единство; усвоивала себе только то, что могло быть ей прилично в смысле общечеловеческом, и отвергала постороннее... И теперь, когда Запад, как Мефистофель в заключении Гётева Фауста, готовится открыть ту огненную бездну, куда он стремится, является к нам и гремит своим ужасным: Komm! Komm!^{*2} — не пойдет за ним Россия: никакого обета она не дала ему, никаким договором не связала бытия своего с его бытием: она не делила с ним его недугов; она сохранила свое великое единство, и в роковую минуту, может быть, она же назначена от Провидения быть великим Его орудием к спасению человечества.

Не скроем, что литература наша в сношениях своих с Западом развила в себе некоторые недостатки. Мы подводим их к трем. Первый из них — характеристическая черта нашей минуты есть нерешительность. Она понятна из всего того, что сказано выше. Продолжать литературное развитие вместе с Западом мы не можем, ибо нет сочувствия в нас к его современным произведениям: в самих же себе мы еще не совсем открыли источник своенародного развития, хотя и были некоторые удачные в том попытки. Магическое обаяние Запада все еще сильно действует на нас, и мы не можем вдруг от него отказаться. В этой нерешимости я полагаю одну из главных причин того застоя, который продолжается в течении нескольких лет в литературе нашей. Мы напрасно ждем современных вдохновений оттуда, откуда их прежде почерпали; Запад посылает нам то, что отвергается нашим умом и сердцем. Мы предоставлены теперь собственным своим силам; мы должны по неволе ограничиться богатым протекшим Западом и искать своего в нашей древней истории.

Деятельность поколений новых, выступающих у нас на поприще под привычным влиянием последних мыслей и явлений современного запада, парализуется невольной невозможностью применить тамошнее к нашему, и всякой кипящий силами юноша, если заглянет в глубь души своей, то увидит, что весь пылкий восторг и все внутренние силы его скованы чувством тяжелой и праздной нерешимости. Да, вся литературная Россия

* Приди! приди! (нем.). — Ред.

разыгрывает теперь Геркулеса, стоящего на распутьи: Запад коварно манит ее за собою, но конечно суждена ей Провидением иная дорога.

Второй недостаток в литературе нашей, тесно сопряженный с предыдущим, есть недоверчивость к собственным силам. До каких же пор, во всяком деле, последняя книга Запада, последний номер журнала будут действовать на нас какою-то чародейственною силою и сковывать все наши собственные мысли? До каких же пор мы будем жадно глотать одни готовые результаты, выведенные там из образа мыслей, нам совершенно чуждого и несогласного с нашими преданиями? Неужели не чувствуем мы в себе на столько сил, чтобы самим приняться за источники и в самих себе открыть новое свое воззрение на всю историю и словесность Запада? Это — необходимость для нас и услуга для него, которою даже мы ему обязаны: никто в своем деле беспристрастен быть не может, и народы, как поэты, созидая бытие свое, не достигают до его сознания, которое предоставляется их наследникам.

Наконец, третий наш недостаток, самый неприятный, которым мы наиболее страдаем в нашей литературе, есть русская апатия, следствие наших дружеских сношений с Западом. Посадите молодое, свежее растение под тенью столетнего кедра или дуба, который закроет его юное бытие старою тенью широких ветвей своих, и будет только сквозь них кормить его солнцем и прохлаждать небесною росой, и мало пищи даст его свежим корням от жадных, заматерелых в той земле корней своих. Вы увидите, как молодое растение утратит краски юной жизни, будет страдать преждевременною старостью своего дряхлеющего соседа; но срубите кедр, возвратите юному дереву его солнце, и оно найдет в себе крепость, поднимется бодро и свежо, и своею сильною и безвредною другим юностью даже будет в состоянии благодарно прикрыть новые отростки падшего своего соседа.

Приставьте к живому, резвому ребенку старую няню: вы увидите, как исчезнет в нем пылкость возраста, и кипящая жизнь будет скована бесчувствием. Подружите пылкого юношу, полного всеми надеждами жизни, с зрелым разочарованным мужем, промотавшим жизнь свою, утратившим с нею и веру и надежду: вы увидите, как изменится ваш пылкий юноша; не пристанет к нему разочарование; он не заслужил его своим прошедшим; но все чувства его окуются хладом бездейственной апатии; огненные глаза его померкнут; он как Фрейшиц³ станет трепетать своего страшного гостя; при нем он будет стыдиться и своего румянца, и пылких чувств своих, краснеть своего восторга, и как дитя, наденет непроставшую ему маску разочарования.

Да, разочарование Запада породило у нас одну холодную апатию. Дон-Жуан⁴ произвел Евгения Онегина, один из общих русских типов, метко схваченный гениальною мыслию Пушкина из нашей современной жизни. Этот характер повторяется нередко в нашей литературе: о нем грезят наши повествователи, и еще недавно один из них, блистательно вышедший на поприще поэта, нарисовал нам ту же русскую апатию, еще степенью

больше, в лице своего героя, которого мы, по чувству национальному, не хотели бы, но должны признать героем нашего времени⁵.

Последний недостаток есть конечно тот, с которым мы должны более всего бороться в современной своей жизни. Эта апатия причиною в нас и лени, которая одолевает свежую молодежь нашу, и бездейственности многих литераторов и ученых, которые изменяют своему высокому призванию и отвлекаются от него тесным миром домашнего хозяйства или большими видами всепоглощающей торговли и промышленности; в этой апатии зародыш и того червя-тоски, которую каждый из нас более или менее ощущал в своей юности, распевал в стихах и надоел ею самым благосклонным своим читателям.

Но если мы и вынесли некоторые неизбежные недостатки от сношений наших с Западом, за то мы сохранили в себе чистыми три коренные чувства, в которых семя и залог нашему будущему развитию.

Мы сохранили наше древнее чувство религиозное. Крест христианский положил свое знамение на всем первоначальном нашем образовании, на всей русской жизни. Этим крестом благословила нас еще древняя мать наша Русь и с ним отпустила нас в опасную дорогу Запада. Выразимся притчей. Вырастал отрок в святом доме родительском, где все дышало страхом Божиим; на первой памяти его печатлелся лик седовласого отца, коленопреклоненного пред святою иконою: не вставал он утром, не отходил ко сну без родительского благословения; всякой день его был освящен молитвою и перед всяким праздником дом семьи его являлся домом молитвы. Рано отрок покинул дом родительский; холодные люди окружили его и омрачили душу сомнением; злые книги развратили мысль его и оледенили чувство; был он в гостях у народов, которые Богу не молятся и думают, что счастливы... Протекло бурное время молодости... Юноша созрел в мужа... Семья окружила его, и все воспоминания детства поднялись, как светлые ангелы, из лона души его... и чувство религии проснулось живее и сильнее... и освятилось снова все его бытие, и гордая мысль растворилась в чистой молитве смирения... и новый мир жизни открылся его взорам... Притча понятна каждому из нас: нужно ли толковать смысл ее?

Второе чувство, которым крепка Россия и обеспечено ее будущее благоденствие, есть чувство ее государственного единства, вынесенное нами также из всей нашей истории. Конечно, нет страны в Европе, которая могла бы гордиться такою гармониею своего политического бытия, как наше отечество. На Западе почти всюду раздор начал признан законом жизни, и в тяжкой борьбе совершается все существование народов. У нас только царь и народ составляют одно неразрывное целое, не терпящее никакой между ними преграды: эта связь утверждена на взаимном чувстве любви и веры и на бесконечной преданности народа царю своему. Вот сокровище, вынесенное нами из нашей древней жизни, на которое с особенною завистью смотрит разделенный в себе Запад, видя в нем неиссякаемый источник государственного могущества. Он хотел бы всем, чем может, у нас отнять его; но теперь не в силах, ибо прежнее на веру принятое чувство нашего

единства, вынесенное нами из нашего прежнего быта, прошед все искушения образования, миновав все сомнения, вошло в каждом образованном русском, понимающем свою историю, на степень ясного и прочного сознания, — и теперь это сознательное чувство пребудет более нежели когда-нибудь непоколебимым в нашем отечестве.

Третье коренное чувство наше есть сознание нашей народности и уверенность в том, что всякое образование может у нас тогда только пустить прочный корень, когда усвоится нашим народным чувством и скажется народною мыслию и словом. В этом чувстве таится причина нашей нерешимости продолжать литературное развитие с изнемогающим Западом; в этом чувстве мощная преграда всем его искушениям; об это чувство разбиваются все частные бесплодные усилия наших соотечественников привить к нам то, что нейдет к русскому уму и к русскому сердцу; это чувство есть мера прочного успеха наших писателей в истории литературы и образования, есть пробный камень их оригинальности. Оно высказалось сильно в лучших произведениях каждого из них: им заключали, в нем сходились и откликались друг другу и Ломоносов, и Державин, и Карамзин, и Жуковский, и Крылов, и Пушкин, и все им близкие, не смотря на какое латинское, французское, немецкое, английское или другое влияние. Это чувство устремляет теперь нас к изучению нашей древней Руси, в которой конечно хранится первоначальный чистый образ нашей народности. Само правительство деятельно призывает нас к тому. Этим чувством роднятся и действуют за одно наши обе столицы, и то, что замыслено в северной, проходит через Москву, как через сердце России, для того, чтобы обратиться в кровь и в живые соки нашего народа. Москва есть то верное горнило, в котором пережигается все прошлое от Запада и получает чистую печать русской народности.

Тремя коренными чувствами крепка наша Русь и верно ее будущее. Муж царского Совета⁶, которому вверены поколения образующиеся, давно уже выразил их глубокою мыслию, и они положены в основу воспитания народа.

Запад по какому-то странному инстинкту не любит в нас этих чувств и особенно теперь, забыв прежнее добро наше, забыв жертвы, ему от нас принесенные, при всяком случае выражает нам свою нелюбовь, похожую даже на какую-то ненависть, обидную для каждого русского, посещающего его земли. Двойко можно объяснить это чувство, незаслуженное нами и бессмысленно противоречащее нашим прежним сношениям: или Запад похож в этом случае на брюзгливого старика, который в своенравных порывах бессильного возраста злится на своего наследника, неизбежно призванного овладеть со временем его сокровищами; или другое: он, зная инстинктом направление наше, предчувствует разрыв, который неминуемо должен последовать между им и нами, и сам, порывом своей несправедливой ненависти, еще более ускоряет роковую минуту.

В гибельные эпохи переломов и рушений, какие представляет история человечества, Провидение посылает в лице иных народов силу хранящую и соблюдающую: да будет же

такую силу Россия в отношении к Западу! да сохранит она на благо всему человечеству сокровища его великого протекшего и да отринет благоразумно все то, что служит к разрушению, а не к созиданию! да найдет в самой себе и в своей прежней жизни источник своенародный, в котором все чужое, но человечески прекрасное сольется с русским духом, духом обширным, вселенским, христианским, духом всеобъемлющей терпимости и всемирного общения!

Примечания:

¹ Имеется в виду трактат Публия Корнелия Тацита «О происхождении и местоположении германцев» (конец I в. н. э.).

² И. В. Гете «Фауст», 2-я часть, д. V, сцена 8.

³ Фрейшиц — герой оперы немецкого композитора К. Вебера «Вольный стрелок» (или «Волшебный стрелок», 1821).

⁴ Имеется в виду поэма Дж. Байрона «Дон Жуан» (1819–1824).

⁵ Речь идет о «Герое нашего времени» Лермонтова. Обзор отзывов Шевырева о творчестве Лермонтова, а также перепечатку избранных фрагментов из его статей см. в антологии: М. Ю. Лермонтов: pro et contra. Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб., 2002. С. 82–95, 131–144, 980–981, 984–987.

⁶ Имеется в виду граф Сергей Семенович Уваров (1786–1855) — президент Академии наук (в 1819–1855 гг.), автор трудов по классической филологии и археологии, поэт, переводчик; в 1834—1849 гг. занимал пост министра народного просвещения. Уварову принадлежит формулировка знаменитой триады «Православие, самодержавие, народность»; о том, что названные принципы должны лечь в основу народного образования, Уваров писал при вступлении в должность министра народного просвещения в докладе императору «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения» (19 ноября 1834 г.).